

1.

Подражание К. Дебюсси

Suite bergamasque, L. 75 - 3. Clair de lune.

Продираясь сквозь пробки и радио,

очень медленно, как на зло —

такси везёт

послушать как играют,

что-то большее,

что-то красивое;

ах, раскаюсь в своём невежестве!

Я жалею, что не убил

собственное детство

на мечту об оркестре!

Но, по крайней мере, немногое,

будто мутный ореол луны за стеклом,

мне доступно:

трогательное,

как вспомнить первый снег

в детстве;

трогательное (!)

как, смотря на двух влюблённых в автобусе,

вспоминать о прикосновении —

самого-самого в мире далёкого,

тёплого чего-то

на своей

руке.

Эта жизнь не такая уж длинная,

а любовь так вообще — мгновение;

но я знаю совершенно обычное
абсолютно доступное
вечное!..

2.

Ты сама — совершенная скрипичка.
И теперь на тебя глядя,
содрогает лицо улыбка,
резонируя звукам тебя.

Милая,
обрамлённая иконописной живописью экспрессионистов вроде Модильяни.

Твои черты —
волнистые:
ты как будто бы вся —
вибратор,

продолжающееся шумом ветра,
восходящего курчавыми облаками.

Опускаясь вниз:
ты —
на фоне разных безделушек
в «Чайной паре» —
китайских иероглифов и свитков,
чайников;
ты симметрично в центре моего взоренья:
между бумажными фонарями на потолке
и креслами снизу — справа и слева —
этот кадр идеален,
и ты —
его центр.

На фоне кишащего мира,
сходящегося для меня в единую точку —
разворачивающуюся другой вселенной:
волнованием нотного стана космоса
в упоительной песне твоих размышлений.

Да, вокруг тебя мой творческий бардак:

альты и скрипки, нотные листы,
литавры, треугольники, кларнет,
орган;
я не владею даже нотной грамотой,
а ты — уже звучишь!

Отчаянье, подобное Сальери

перед Моцартом. Но только

я выбираю не убийство —

а смиренie:

не буду мучить слух тебе
свою выспренной симфонией —
позволь мне просто стать твоим
либретто.

3.

Моё счастье

вне категорий рублёвых бумажек —
хотя порою для радости
нужно поесть мороженое.

Но в основном я предпочитаю улыбаться
самому голому:
просто воздуху.

Не подумайте

словно я придумываю
или наигрываю:
воздух —
то, с чем неразрывно существует жизнь.

Так что нет в этих строках совсем
ничего наивного.

Просто это, друзья —
совершенно другой язык.

Каждый день обоняние ловит тысячи нитей:
в основном это мусор и мрак городской среды —
но порою туда порхнёт совершенный эпитет,
тот, с которым не встанут в ряд ни одни цветы!

О,
тогда я
понимаю —
что был прав:
моё счастье
вне категорий рублёвых бумажек!..

Счастье моё — холст.
В деревянной рамке страданий,
и запрятанный красками —
одна поверх другой:
всегда глупых и странных
страстей и желаний.

Но как низко бы я среди них ни терялся —
я знаю, что можно улыбаться
только
воздуху.

Будто манна небесная
много бриллиантов снега:
падают и блестят,
драгоценностью потчуют землю;
снисходительным чудом смягчают
уставшее сердце,
задубевшее от ежедневного боя со стужей.

Впрочем, можно ли сетовать, Боже,
мне — безмятежному?

Разве мог я хоть раз,
хоть с кем-то нормально
подраться?

Только кажется, если б я не был
таким доверчивым,
Ты бы не дал мне радости
снегом Твоим наслаждаться:

Ты бы не дал мне радости быть
неказистым Иовом.

И на страсти мои отвечал бы всегда
прощением.

В общем, я теперь еду в маршрутке
рыдать в филармонию;
завтра снова на парах —
звони, если буду нужен.

5.

Думал о смерти
в стоматологическом кресле —
ассистентка
пролила стакан воды.

И привычное
по предыдущим походам
светлое голубое небо
приняло грозный,
нахмуренный вид.

Пролетела
чёрная птичка за панельку
в окне.
Я остался
в стоматологическом кресле:
смотрел на мокрые провода
и думал об электричестве.
«Ничего не должно
сломаться, наверное».

Но всё должно
когда-нибудь случиться.

Я иду за хлебом.
Небо нехотя каплет —
одной половиной неба.
Заморозило нижнюю челюсть,
но слишком поздно —
просто так потратил
пятьсот рублей:
худшая инвестиция в дёсна.

Дождь идёт
ленивый, как снег.
Мол: «Бойся —
но не сегодня.

Ешь аккуратнее,
маленький человек».

6.

Ночью выходил в круглосутку:
мне нравится, что теперь безысходность
не смерть на костре,
а блевотный коктейль —
выпить хочется,
но в «Продуктах»
ничего крепче этого нет.
Зелёное, водянистое подобие алкоголя.

Было темно и шёл снег —
я хорошо это запомнил.

Мы пили на левом:
я бы сказал, что лево —
верное место чертям;
но, во-первых,
не хочется Омску приписывать
готику —
это, конечно, главное, —
а во-вторых,
чертей тут полно
по обе стороны,
в этом разрублённом Иртышом городе —
как писал местный поэт,
который бы предпочёл
называться репером.

Впрочем, чего бежать от реальности?
И всё-таки,

я думал не о чертях, а об ангеле,
который Бог знает зачем
за мной носится —
подобие камеры из «Реальных пацанов».

Только я не Колян и даже не Вова:
я — пародия на Иова
в декорациях из автобусов
и панельных домов.

Как хочешь строй из себя крутого,
но всё равно ломаешь комедию:
нацепи на себя готику, Фауста Гёте —
но по жизни идёшь, как мещанин Мольера.
Этой ночью мы много пили
и много молились Богу.

Не засали и перед иконами
встать на колени,
предвкушая похмельное утро
с другими мыслями и явным
закадровым смехом.

Но утром, когда шёл домой,
я хорошо это запомнил:
всё ещё было темно
и белыми хлопьями
падал такой же красивый
снег.

7.

Надеюсь, что после смерти
будет смешно.
Разве может быть что-то

приятнее смеха?

Особенно

если тебе приходится

проводить вечность.

Как ещё её представить?

Закрывать глаза —

банально.

Можно посмотреть в окно,

уткнуться глазами в небо —

но и это будет не то.

Можно уснуть,

да еще очевиднее станет во сне,

что искать вечность разумом —

это напрасный труд.

Но пока мы живём на этой Земле,

мне бы хотелось верить,

что вечность

души проводят в смехе:

ведь Судьба —

это лучший шут.

8.

Погода шепчет:

вечер, зелень, небо —

вечность

в земном обличии.

Точнее, спокойствие —

типо: ощущение безграничности

у нас дома.

Интересно, а что там:

за пределами страха,
негативного восприятия?

Вряд ли перестанет удивлять
обилие вероятного.

Говоришь о нём с теми,
кто уже проверил пределы
этого света
на том свете.

Каком свете?

Его не слыshно в музыке в «Победе» —
этом всегда неуместно
радостном магазине.

Не учуять в дыме сигареты
мимо проходящего ханыги
в кепке —
если попробовать выйти
из этого улия логотипов.

Не видно впереди
лиминально вытянутой тропинки:
потому что всё время вертишься,
чтобы тебя не сбили.

Не увидеть этого света здесь.

Но всё же —

погода шепчет.

Единственное:
откуда!?

Скажешь:
«Голос в небе, в голове!»

А всё-таки —
Бог его знает,
сколько до этих уст нам!

9.

Всё страшное
совершается просто.

Я думаю,
Господь не садист,
чтобы пугать своих питомцев,
вытягивая в саспиенс
и без того непростую
жизнь.

Непростительно сложно
некоторые пишут.

Сравните:
всё страшное
совершается просто.

И такой же неплохо
представить жизнь.

В собственном языке
запутались философы,
как в трёх соснах,
пытаясь найти обходные пути,
чтоб иными словами
назвать Бога.

Кажется, всё проще:
из жизни нет выхода —
и к пониманию этого
стоит идти.